

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Новости русской и иностранной литературы

Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 1. С. 189-205.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Новости русской и иностранной литературы.

Г. Воскресенскій. Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв. Москва, 1896. VIII—304.

Какъ изслѣдователь древне-славянскаго новозавѣтнаго текста, проф. Г. А. Воскресенскій занимаетъ видное и исключительное мѣсто. Въ то время, какъ другіе, работающіе по временамъ въ этой области, останавливаются случайно на какихъ-либо отдѣльныхъ спискахъ славянскаго перевода, Г. А. Воскресенскій всегда въ своихъ изслѣдованіяхъ старается объять всю совокупность сохранившихся списковъ для той или другой новозавѣтной книги, старается возстановить типъ славянскихъ чтеній. Таковы его работы въ области древне-славянскаго перевода Апостола и въ послѣднее время по Евангелію отъ Марка.—Настоящая книга является обслѣдованіемъ изданнаго въ 1894 г. самимъ же Г. А. Воскресенскимъ текста древне-славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій. Къ принятымъ въ изданіи для разнотченій 108 рукописямъ въ настоящемъ изслѣдованіи прибавлено авторомъ еще 4 списка и такимъ образомъ „Характеристическія черты славянскаго перевода, Евангелія отъ Марка“ покоятся на солидномъ основаніи изъ 112 славянскихъ списковъ отъ XI—XVI вв. Книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части предложено обзорѣніе 112 славянскихъ списковъ Евангелія отъ Марка по четыремъ редакціямъ (стр. 1—68), обзорѣніе греческихъ, преимущественно унциальныхъ кодексовъ четвероевангелія (стр. 69—92), очеркъ исторіи рукописнаго и печатнаго греческаго текста Евангелія, а также рецензій греческаго текста по даннымъ спеціальной литературы (стр. 93—118), наконецъ о греческомъ текстѣ Евангелія по сочиненіямъ Фотія, патріарха константинопольскаго, съ общимъ выводомъ изъ сравненія славянскаго перевода съ греческимъ оригиналомъ,—

что славянскій переводъ Евангелія и по рукописамъ и по нынѣшнему печатному тексту—слѣдуетъ въ общемъ лукіано-константинопольской редакціи греческаго текста (стр. 119—135). Вторая часть (стр. 139—304) представляетъ характеристику четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка, причеиъ въ первой редакціи (изъ 40 списковъ, — основной сл. Галичское Евангеліе 1144 г.) „отмѣчаются такія отличія отъ нынѣшняго печатнаго текста въ вариантахъ и переводѣ, которыя общи всѣмъ спискамъ или большей ихъ части, и которыя, по сему, могутъ быть относимы къ первоначальному славянскому переводу, и затѣмъ отмѣчаются частныя или личныя особенности списковъ, которыя въ большинствѣ случаевъ съ вѣроятностію могутъ быть разсматриваемы, какъ позднѣйшія исправленія древняго перевода. При разсмотрѣніи же славянскихъ списковъ Евангелія остальныхъ редакцій, показывается отношеніе ихъ какъ къ нынѣшнему печатному тексту, такъ и къ предшествующимъ имъ славянскимъ спискамъ“.—Наиболѣе типичнымъ, по нашему мнѣнію для первой редакціи представляется согласіе ея съ греческими кодексами X в. лукіано-константинопольской рецензіи: Базельскимъ, Борелевымъ, Гарлеевымъ, Гамбургскимъ, Парижскими 63 и 48, Ватиканскимъ 354, Венеціанскимъ, Московскимъ 399, Петербургскимъ 14, Оксфордскимъ (по 8 изд. Новаго завіта Тишендорфа—EFGHKMSUVΠΓ). Этимъ выводомъ полагается прочное подтвержденіе тому наблюденію надъ древне-славянскимъ ветхозавѣтнымъ текстомъ, по которому этотъ послѣдній—по крайней мѣрѣ, для одной изъ пророческихъ книгъ—слѣдуетъ всецѣло лукіановскому типу (Хр. Чт. 1894, III, 486). Характерно для первой редакціи также и то, что въ ней оставлено безъ перевода множество греческихъ и другихъ чужихъ словъ, которыя послѣ были переведены по-славянски. Редакція эта—по всѣмъ даннымъ—представляетъ первоначальный переводъ, вышедшій изъ подъ пера славянскихъ первоучителей, и потому возбуждаетъ къ себѣ наибольшій интересъ. Менѣе характерныя черты первой редакціи—существованіе въ переводѣ „словъ и оборотовъ происхожденія мораво-паннонскаго“ (стр. 206) и отсутствіе „противоположности, которую нѣкогда думали пайти между древнѣйшими апракос- и тетра-евангеліями (мнѣніе академика И. В. Ягича, съ которымъ соглашается Г. А. Воскресенскій—стр. 210 примѣч.)—были бы очень важны для характеристики первой редакціи съ точки объясненія дѣятельности славянскихъ первоучителей, если бы могли выставить за себя дѣйствительно убѣдительныя доказательства.—Послѣдующія три редакціи евангельскаго текста стоятъ въ связи съ первою и вытекаютъ изъ стремленія приспособить и отчасти замѣнить древній переводъ сообразно съ потребностями послѣдующаго времени. Въ смыслѣ оцѣнки смысловой значимости послѣдующихъ редак-

цій, важно то общее наблюдение автора, что всё эти редакціи стоятъ въ той или иной зависимости отъ того же самаго лукіановскаго типа, съ котораго сдѣланъ былъ первоначальный переводъ. Вліяніе не лукіановскаго, повидимому, александрійскаго типа—и отчасти западнаго—проходить въ разной мѣрѣ по всѣмъ редакціямъ, не исключая и первой, но все таки общій характеръ лукіановскаго типа этимъ не нарушается.—Вторая редакція Евангелія отъ Марка состоитъ изъ 56 списковъ XII—XIV вв., при чемъ всё списки, за исключеніемъ двухъ, русскіе и относятся преимущественно къ Галицкой, Волынской и Новгородской областямъ. „Исправленія древняго перевода проходятъ въ этихъ спискахъ послѣдовательно отъ вариантовъ до тонкостей словообразованія—черезъ весь евангельскій текстъ. Нѣтъ главы, нѣтъ почти стиха, который не представлялъ бы собою какого-либо отступленія отъ первоначальной редакціи. Эта вторая редакція отличается вообще послѣдовательностію исправленій, также оригинальностью и своеобразностію въ сравненіи какъ съ древними списками первой редакціи, такъ и съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ“. Редакцію эту Г. А. Воскресенскій относитъ къ концу XI и началу XII в. и полагаетъ, что начало ей было положено еще на славянскомъ югѣ, но завершена она была на Руси (стр. 299). Основанія считать эту редакцію древнерусскою авторъ находитъ въ томъ, что рѣшительное большинство списковъ этой редакціи написаны на Руси. Лексическія и другія языковые особенности этой редакціи (переводъ греч. *ἕνος* страна, а не языка, какъ въ первой древнѣйшей редакціи, *ἀποστέλλειν* поустити, поустати, а не послати, глати, *εἰσερῶσθαι* вхлѣсти, а не вхнити, *κλήρονομία* причастіе, *μάρτυρ* погалухъ, *νοστήσας* аляканіе, а не погъ, *σπέρμα* племя, а не гѣла, *ὄρει* лютѣ, а не горе, *διὰ δάλα*, а не радн, *ὡς* акы, а не яко и др., также передача оставленныхъ въ первой редакціи безъ перевода греческихъ словъ—*ἑλαίου* магло, а не салѣи, *Ἰουδαία*, жидовская, *Ἰουδαίος* жидовникъ, *τέχτων* дрѣводѣла и пр.), отмѣченныя на стр. 283—242, извѣстны и другимъ памятникамъ древнеславянской письменности—Чудовской Псалтири XI в., Изборнику 1073 г., всецѣло воспроизводятся въ спискахъ Толковыхъ Пророчествъ, извѣстныхъ по припискѣ Уширя Лихаго отъ 1047 г., поэтому происхождение этой редакціи слѣдовало бы отнести не къ концу XI и началу XII в., а несомнѣнно ранѣе половины XI в. Происхождение этой редакціи на Руси, въ виду существованія указанныхъ здѣсь параллелей не русскаго, а скорѣе южнославянскаго типа, едва ли также можетъ быть признано вѣрнымъ. Есть, кажется, основанія предполагать, что редакція эта относится ко времени не позже болгарскаго царя Симеона († 927 г.).—Третья редакція евангельскаго текста относится у Г. А. Воскресенскаго къ XIV в. и приписывается святителю Алексію. Представляется она тремя списками и, повидимому, распространенія никогда

не имѣла. Отличительная черта этой редакціи—буквальная близость къ греческому подлиннику. Греческій оригиналь редакціи содержится въ позднихъ константинопольскихъ спискахъ Евангелія.—Четвертая редакція представляется 12-ю списками XIV—XV вв., съ константинопольскимъ Евангеліемъ 1383 г. во главѣ. Появилась она на югѣ и стоитъ въ связи съ т. н. терновскими и ресавскими изводами, „почти одновременно возникшими въ концѣ XIV в. въ Болгаріи, по почину Евоимія, послѣдняго болгарскаго патріарха, и въ Сербіи, подъ руками исправителей, дѣйствовавшихъ въ правленіи деспота Стефана Высокаго (1389—1427) въ построенномъ Стефаномъ монастырѣ Ресавскомъ“. Въ Россіи редакція эта появилась, можетъ быть, при посредствѣ митрополита Кипріана, и получила нѣкорое видоизмѣненіе подъ влияніемъ русскаго языка. Списки этой редакціи представляютъ чтенія древней редакціи въ видоизмѣненномъ видѣ и, такимъ образомъ, составляютъ естественный переходъ отъ древняго перевода къ нынѣшнему, современному. Подобные списки положены были въ основаніе при Острожскомъ изданіи Библии въ 1581 году. „Острожская Библия перепечатывалась и оставалась въ употребленіи у насъ въ теченіи ста семидесяти лѣтъ—вплоть до Елизаветинскаго изданія (въ 1571 г.) по исправленному и принятому Свят. Синодомъ тексту, который потомъ былъ принятъ въ изданіяхъ Библейскаго Общества и въ позднѣйшихъ Синодальныхъ. Такимъ образомъ нашъ евангельскій текстъ находится въ прямомъ родствѣ съ древнимъ переводомъ, который оставили намъ, какъ драгоценное наслѣдіе, свв. Кириллъ и Меодій“.

Полнота матеріала и тщательная его разработка даетъ книгѣ право на почетное мѣсто въ ряду изслѣдованій славянскаго священнаго текста. Выводы автора о редакціяхъ славянскаго перевода могутъ быть исправляемы въ частностяхъ, но едва ли когда потребуютъ капитальной переработки. Самое существенное, что можно было бы пожелать книгѣ проф. Г. А. Воскресенскаго, это—необходимость болѣе точнаго указанія о греческомъ оригиналѣ славянскаго перевода, хотя въ сравненіи съ предшествующими своими работами авторъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи значительный шагъ впередъ: вмѣсто неопредѣленнаго критерія (характера славянскихъ вариантовъ и отношенія ихъ къ нынѣшнему печатному изданію), которымъ руководился авторъ въ своемъ изслѣдованіи Апостола, здѣсь мы видимъ сопоставленіе славянскихъ редакцій съ цѣлою массою греческихъ списковъ. Нельзя, разумѣется, ставить, въ вину автору, что онъ не вноситъ никакой классификаціи въ текстъ греческій и поэтому оставляетъ безъ точно опредѣленныхъ опоръ редакція славянскія. Вина здѣсь въ недостаточно разработанной спеціальной литературѣ. Сообразно съ такимъ положеніемъ дѣла, въ вопросѣ о редакціяхъ евангельскаго текста остаются не затронутыми многіе,

крайне интересные вопросы, по отношенію къ которымъ славянскій переводъ не можетъ оставаться совершенно безучастнымъ. Славянскій переводъ въ своихъ четырехъ редакціяхъ всегда является отраженіемъ греческаго текста, и понятно, исторія этого послѣдняго можетъ иногда получить крайне интересные уясненія со стороны перевода славянскаго. Остановимся на одномъ примѣрѣ.

Въ 1894 г. приватъ доцентъ геттингенскаго университета Буссе написалъ статейку (*Textkritische Studien zum Neuen Testament. Texte und Untersuchungen v. Hebbardt XI 4 Leipzig 1894, S. 74—110*), въ которой на основаніи нѣсколькихъ внѣшнихъ особенностей нѣкоторыхъ отрывковъ евангельскаго текста (по сохранившемуся параллельно съ греческимъ саядскому переводу въ нѣкоторыхъ отрывкахъ, по внѣшнимъ признакамъ письма, изобличавшаго египетскія происхожденіе) намѣтилъ кодексы В⁸(C)LT, т. е. Ватиканскій 1209, Синайскій, Ефрема Сирина, Парижскій 62, Борджіанскій I, какъ принадлежащіе къ редакціи александрійской, исихіевской. Характерное согласіе ихъ въ особенномъ краткомъ чтеніи заключительныхъ словъ евангелія отъ Марка, въ расположеніи посланій, а также сходство съ чтеніями оо. александрійцевъ и переводами коптскимъ и эііопскимъ внушительно поддерживало его предположеніе. Наконецъ, внутреннее однообразіе типа въ этихъ кодексахъ—именно самое главное—послѣдовательная краткость ихъ чтеній въ сравненіи съ списками другихъ изводовъ, дало ему и другое неопровержимое доказательство, что въ этихъ спискахъ проходила одна опредѣленная рука съ опредѣленнымъ методомъ,—и на основаніи всѣхъ данныхъ,—рука египетскаго редактора. Во второй редакціи евангельскаго славянскаго перевода кодексы В⁸BC¹ далеко не безызвѣстны: въ приведенныхъ у Г. А. Воскресенскаго на пространствахъ 113—53: 18 вариантахъ списки эти отмѣчаются, какъ согласные съ славянскимъ переводомъ, 7 разъ (113 213 19 25 333 533 33). Всѣ 55 славянскихъ списковъ этой редакціи представляютъ евангелія—апракосы (стр. 31—48)¹). Не могутъ ли отсюда слѣдовать такіе выводы: 1) вторая редакція славянскаго перевода слѣдуетъ въ значительной степени (¹/₁₈) греческой редакціи александрійской; 2) появленіе александрійскаго типа въ евангеліяхъ-апракосахъ славянскихъ до половины XI в. свидѣтельствуетъ о существованіи въ это время греческихъ церковныхъ списковъ смѣшаннаго извода; 3) если естественнѣе всего было для редактора второй редакціи взять ориги-

¹ Не апракосъ только 56-й списокъ—Терновское четвероевангеліе XIII в. Но вторая редакція, по словамъ Г. А. Воскресенскаго, въ немъ не выдержана. Интересно было бы знать, не воспроизводитъ ли второй редакціи этотъ списокъ только въ чтеніяхъ, имѣвшихся въ апракосахъ.

наль для своихъ исправленій въ церковныхъ же спискахъ ближайшихъ къ нему, т. е константинопольскихъ, то—не позже половины XI в. (а, можетъ быть, и до 927 г.) мы имѣемъ смѣшанную редакцію въ Константинополѣ?—Третья редакція славянскаго перевода Евангелія опирается, по словамъ книги, на поздніе константинопольскіе списки. Интересно было бы знать, направлялся ли въ этихъ спискахъ лукіановскій текстъ (IX в.) по той плоскости, на которую сталъ онъ раньше половины XI в. или принялъ новое теченіе.—Рано или поздно славянскій переводъ долженъ будетъ дать отвѣтъ на всѣ такіе вопросы.

И. Евстевъ.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, издаваемые Братствомъ святаго Петра митрополита подъ редакціей Н. И. Субботина. Томъ девятый. Полемическія противъ раскола сочиненія православныхъ. Часть первая. Паисія Лигарида опроверженіе челобитной попа Никиты. Москва, 1896.

Благодаря неутомимымъ трудамъ редактора журнала „Братское Слово“ наука о расколѣ обогатилась новымъ изданіемъ. Первый томъ „Матеріаловъ“ вышелъ въ 1875 году. Такимъ образомъ въ теченіе двадцати лѣтъ издано девять объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ цѣнные матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія. Въ восьмомъ томѣ закончено было печатаніе памятниковъ раскольнической письменности. Въ изданномъ нынѣ девятомъ томѣ начато печатаніе полемическихъ противъ раскола сочиненій православныхъ писателей и именно напечатано опроверженіе Газскаго митрополита грека Паисія Лигарида на челобитную извѣстнаго попа Никиты Пустосвята. Въ приложеніи здѣсь напечатаны еще три сочиненія того же Паисія: „Назnamenovanія или наблюденія изъ различныхъ соборовъ о обычаяхъ, его же употребляху святыя отцы въ синодотвореніи“ и два „поученія“ на праздникъ Рождества Христова. Одно изъ поученій издано по рукописи Синодальной московской библіотеки, три остальныхъ сочиненія по рукописному сборнику московской духовной академіи. Обѣ рукописи—собственной руки извѣстнаго іеромонаха Симеона Полоцкаго, писаны польскими буквами, и представляютъ переводъ сочиненій Паисія на русскій языкъ.

Опроверженіе Паисія на челобитную Никиты состоитъ изъ предисловія, тридцати „обличеній“ или „отраженій“, заключенія, эпилога и апострофа. Оно было написано въ 1666 году и въ очень короткое время. Чтобы дать возможность греку, незнавшему русскаго языка, сдѣлать разборъ русскаго сочиненія и назначаемый для русскихъ, посредникомъ этого

дѣла избранъ былъ Семеонъ Полоцкій. Но если Лигаридъ не зналъ языка русскаго, то Полоцкій не зналъ языка греческаго. Поэтому Полоцкій перевелъ челобитную Никиты на латинскій языкъ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ и которымъ въ совершенствѣ владѣлъ Паисій Лигаридъ; въ свою очередь и этотъ послѣдній написалъ опроверженіе по латыни же, чтобы съ латинскаго Полоцкій могъ перевести его на русскій языкъ, что этотъ послѣдній и сдѣлалъ. Челобитная пона Никиты напечатана полностью въ четвертомъ томѣ „Матеріаловъ для исторіи раскола“. Изъ сравненія оказывается, что въ сочиненіи Паисія текстъ челобитной приводится не въ полномъ видѣ и положенія ея весьма рѣдко выражаются полными ея словами: всѣ они выражены въ заглавіяхъ кратко, а нѣкоторыя даже съ нарушеніемъ подлиннаго смысла. Отсюда возможно заключеніе, что переводъ челобитной на латинскій языкъ былъ сдѣланъ Полоцкимъ вольный, не въ цѣлости, а въ сокращеніи, но возможно конечно и то, что сокращенія были допущены самимъ Паисіемъ. Насколько соответствуетъ подлиннику сдѣланный Полоцкимъ переводъ Паисіевыхъ „отраженій“, данныхъ для опредѣленія этого нѣтъ.

Издатель въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ разсматриваемое опроверженіе Паисія на Никиту: „Сочиненіе Паисія Лигарида отличается всеми качествами, свойственными этому писателю. И здѣсь Паисій успѣлъ показать и свое обширное знакомство съ богатой греческой литературой, классической и святоотеческой, и свой ораторскій талантъ, и свою страсть къ многоглаголанію или болтливости, по его собственному выраженію, которая и здѣсь нерѣдко увлекала его въ сторону отъ подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Понятно, что всѣ эти качества, за исключеніемъ знанія святоотеческой литературы, не могли и не должны бы имѣть приложенія въ сочиненіи, посвященномъ разсмотрѣнію раскольнической челобитной и назначенномъ для вразумленія русскихъ раскольниковъ, а вмѣстѣ и для чтенія православными русскими людьми. При этомъ нужно взять еще во вниманіе, что Паисій Лигаридъ обнаружилъ въ своемъ сочиненіи, впрочемъ весьма понятную въ немъ, неспособность уразумѣть настоящій смыслъ разныхъ раскольническихъ „омышленій“ и такую же неспособность примѣниться и въ способахъ сужденія и въ способахъ изложенія къ понятіямъ русскихъ читателей. Вслѣдствіе всего этого его сочиненіе, притомъ же весьма невразумительно переведенное Полоцкимъ, и оказалось совершенно непригоднымъ для своей цѣли“. Въ виду этого въ настоящее время Паисіево опроверженіе челобитной Никиты представляетъ интересъ только для ученыхъ и именно какъ историческій памятникъ одного изъ первыхъ у насъ полемическихъ сочиненій противъ раскола. Въ историческомъ отношеніи интересенъ и самый

фактъ полемики иностранца противъ русскаго раскола, фактъ, который въ первоначальной исторіи раскола является притомъ и не единичнымъ. По нашему мнѣнію онъ свидѣтельствуеетъ не о томъ, какъ думаютъ нѣкоторые, что русскіе іерархи отнеслись къ дѣлу безъ должнаго вниманія и что среди нихъ не было охотниковъ полемизировать съ старообрядчествомъ, а о томъ, что на дѣло смотрѣли съ подобающею осторожностію. Извѣстно, что противники новыхъ книгъ и обрядсвъ успѣли, въ ожиданіи собора 1667 года, поднять на ноги всю старую московскую мудрость и книжность. А въ виду этого и правительство не могло явиться на соборъ не подготовившись и съ пустыми руками. И вотъ оно воспользовалось тѣми научными силами, которыми располагало тогда въ лицѣ митрополита Паисія Лигарида, другого грека—афонскаго архимандрита Діонисія и въ лицѣ малорусскаго ученаго іеромонаха Симеона Полоцкаго. При этомъ нельзя не замѣтить, что іерархи не только понимали смыслъ московской книжности, на почвѣ которой стояли противники новыхъ книгъ и обрядовъ, но и нисколько не умаляли ее. Лигаридъ и Діонисій написали два сочиненія въ обличеніе порицателей новыхъ книгъ и обрядовъ, но соборъ 1666 года не одобрилъ эти сочиненія къ напечатанію, очевидно потому, что въ сочиненіи Діонисія призналъ неправильнымъ взглядъ на происхождение и смыслъ старообрядческихъ особенностей, а „отраженія“ Паисія кромѣ того страдали общностию разсужденій и пустымъ риторствомъ. Составивъ программу для новаго полемическаго сочиненія, чтобы потомъ можно было издать его отъ имени собора, соборъ поручилъ это дѣло Полоцкому, который, пользуясь готовымъ матеріаломъ чужимъ и вѣроятно своимъ, окончилъ трудъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца въ видѣ извѣстнаго „Жезла Правленія“. Такимъ образомъ написаніе Паисіемъ Лигаридомъ опроверженія на челобитную попа Никиты никакъ нельзя считать дѣломъ случайнымъ.

Теперь не осталось не изданныхъ въ печати сочиненій, написанныхъ иностранцами, противъ раскола въ первое время его существованія, по крайней мѣрѣ таковыхъ доселѣ не открыто. Въ 1878 году проф. Добротворскимъ было напечатано при „Православномъ Собесѣдникѣ“ сочиненіе извѣстнаго Юрія Крижанича въ обличеніе на Соловецкую челобитную, писанное въ 1675 г., а въ 1888 г. при „Православномъ Обзорѣніи“ было напечатано проф. Каптеревымъ сочиненіе грека Діонисія архимандрита. Теперь, съ выходомъ девятаго тома „Матеріаловъ для исторіи раскола“, легко пользоваться сочиненіемъ Паисія Лигарида¹⁾. Будетъ ли продолженіе изданія

¹⁾ Отмѣтимъ невѣрности, допущенныя изслѣдователями при упоминаніяхъ о сочиненіи Лигарида и при ссылкахъ на него. Въ „Твор. свв. отц.“ 1845, ч. 3, стр. 160; прим. 10, сказано, что сочиненіе Лигарида на-

въ десятомъ томѣ, обѣщаній на это никакихъ не дано, но съ своей стороны замѣтимъ, что было бы въ научномъ отношеніи весьма важно, если бы были изданы еще три полемическихъ сочиненія, относящіяся также къ первому періоду его исторіи, на которыя мы впервые сдѣлали указаніе въ нашей „Исторіи раскола старообрядства“, — это: „Слово улично“ и „Споръ православныхъ съ лютыми капитоны“ Коломенскаго вознесенской церкви священника Іоанна и неизвѣстнаго по имени лица сочиненіе подъ названіемъ „Бразда духовная“, относящееся къ 1683 году.

Изданіе девятого тома „Матеріаловъ“ сдѣлано тщательно и весьма чисто. Шрифтъ чѣткій, крупный и изящный, бумага хорошаго достоинства. Всего 295 страницъ. Цѣна 1 р. 50 к., а съ пересылкой 1 р. 75 к. Выписывать книгу можно изъ редакціи „Братскаго Слова“: Харитоньевскій переулокъ, церковный домъ, въ Москвѣ.

с.

3) Н. Я. Гротъ. Очеркъ философіи Платона. Москва. 1897 г. I—III. 5—189. Изданіе «Посредника».

Редакціи „Посредника“, издавшей уже много книжекъ и брошюръ большею частію тенденціознаго характера — на поученіе то „простой“, то „интеллигентной“ публикѣ, вздумалось „предпринять изданіе переводовъ избранныхъ діалоговъ Платона“ (см. предисловіе редакціи къ данной книгѣ). А такъ какъ, моль, „безъ знакомства съ общими основаніями ученія Платона, многое въ этихъ діалогахъ было бы неясно для читателей“, то, „въ виду этого, редакція воспользовалась разрѣшеніемъ проф. Н. Я. Грота издать отдѣльной книжкой.., его курсъ лекцій о Платонѣ“... Намѣреніе редакціи, конечно, похвально. Великая личность древне-греческаго мудреца, своимъ влияніемъ на умы заявлявшая о себѣ во всѣ времена, не утратила своего обаянія и по нынѣ. Но, собравшись поучать „интеллигентныхъ читателей“ (см. обложку книги), редакція, повидимому, отнеслась къ своему дѣлу не съ достаточной серьезностію. Курсъ лекцій о Платонѣ, по словамъ г. Грота (предисл. I), „имѣлъ въ виду чисто педагогическія задачи“. Для настоящаго изданія онъ подвергся лишь *незначительнымъ* сокращеніямъ и стилистическимъ поправкамъ (на болѣе значительную переработку курса мы“, говоритъ г. Гротъ, „не имѣли времени“ *ibid.*). Интеллигентные чита-

писано въ 1668 году и въ опроверженіе Соловецкой челобитной. Ср. „Черниг. Епарх. Изв.“. 1864, стр. 671, ст. преев. Филарета; *Морозовъ* „Феофанъ Прокоповичъ“. стр. 86. Въ „Древ. и Нов. Россіи“ 1875, ч. 3, № 9, стр. 17, сказано, что сочиненіе писано противъ Аввакума и Лазаря — на основаніи невѣрной помѣтки Сильвестра Медвѣдева на самой рукописи, очевидно ее не прочитавшаго.

тели, повидимому, заслуживали бы большаго къ нимъ вниманія. Впрочемъ, между ними различаются авторомъ, если можно такъ выразиться, „исотерики“ и „экзотерики“. Лишь для первыхъ только написаны главы: „о сочиненіяхъ Платона“, „о времени написанія и соотношеніи его діалоговъ“ и пр. кромѣ того „экзотерикамъ“ рекомендуется читать книгу не въ томъ порядкѣ, въ какомъ она написана, а въ особомъ: сначала „вступленіе“ и „біографію Платона“ (стр. 5—20), потомъ главу объ „общемъ значеніи философіи Платона“ и „заключеніе“ (стр. 174—189), затѣмъ „бѣгство“ — „о сочиненіяхъ Платона и времени ихъ написанія“ (стр. 24—46), далѣе — объ „ученіи Платона“ касательно „Эроса“ (стр. 51...) и т. д. Удобствъ для подобнаго читателя, какъ видно, немного. Но, впрочемъ, довольно объ этомъ... Книга получаетъ особый интересъ въ виду „своеобразности“ точки зрѣнія, на какой стоитъ ея авторъ. Эта точка, по его словамъ (предисл. II), „не чисто историческая, а философская — теоретическая“. „Мы“, говоритъ авторъ, „вовсе не считаемъ міросозерцаніе Платона вполне отжившимъ и навсегда устраненнымъ, а — наоборотъ — глубоко вѣримъ въ жизненность и современную цѣну нѣкоторыхъ его философскихъ воззрѣній. Такъ какъ это убѣжденіе имѣетъ очень мало сознательныхъ представителей въ современной философской литературѣ..., то мы и предположили..., что изложеніе такого взгляда можетъ имѣть нѣкоторый интересъ для русскаго читателя“. Это — совершенно правильно.

Въ книгѣ рѣчь открывается вступительными замѣчаніями (стр. 5—11). Платонъ, читаемъ здѣсь, „ставилъ философіи прежде всего *этические* задачи... На первомъ планѣ для Платона стоитъ наше *нравственное* самоусовершенствованіе“. Съ такимъ общимъ взглядомъ автора на платоновскую философію соглашаемся вполне и съ удовольствіемъ. Въ *краткой* „біографіи Платона“ (стр. 12—20) желательно было бы встрѣтить поменьше разсужденій, напр., о томъ, по какой причинѣ нашъ философъ „былъ переименованъ въ Платона“... (стр. 12), и побольше, напр., „о характерѣ преподавательской дѣятельности“ философа (стр. 19) и проч. Глава о „характерѣ Платона“ (стр. 21—23) слишкомъ обща и кратка и въ сущности очень поверхностна: голыя положенія, бездоказательность въ опроверженіи тѣхъ или иныхъ мнѣній } о Платонѣ и проч. — вотъ что здѣсь нашло себѣ мѣсто. Голословнаго утвержденія, которымъ начинается глава: „сочиненія Платона“ (стр. 24—36), именно, что „всѣхъ сочиненій Платона дошло до насъ 36“, недостаточно, тѣмъ болѣе, что другіе на этотъ счетъ держатся иного мнѣнія (см., напр. взглядъ нашего русскаго современника — г. Я. Г. Мищенко въ „Краткомъ очеркѣ греч. литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Хр.“, Кіевъ 1893 г., стр. 103...), съ каковымъ такъ или иначе, по слѣдуетъ считаться; игнорированіе же

его ни къ чему хорошему не ведетъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же (стр. 24) авторъ находитъ возможность разсуждать о постороннихъ въ отношеніи къ дѣлу предметахъ: напр., о томъ, что Аристофану Византійскому „приписываютъ изобрѣтеніе греческаго ударенія“... Говоря о переводахъ платоновскихъ сочиненій на различные языки, авторъ, между прочимъ, пишетъ: „по русски есть только одинъ полный переводъ сочиненій Платона—Карпова..., тяжелый по языку и мѣстами невѣрный“. Коротко и ясно, но жестоко и невѣрно. Во первыхъ, переводъ проф. В. Н. Карпова (а не просто—Карпова) не совсѣмъ полный: въ него не вошли „Тимей“, „Политикъ“, „Теэтетъ“... Во вторыхъ, сказать, что онъ „тяжелъ по языку“, сказать безъ всякихъ поясненій и ограниченій,—это значитъ сказать неправду. Не только въ свое время (а проф. Карповъ давнымъ-давно уже сошелъ со сцены), но и теперь весьма многія страницы его перевода читаются легко, хотя бы то напр. мѣсто, которое цѣликомъ по переводу Карпова приводитъ и самъ г. Гротъ (см. стр. 111...). Иной на его мѣстѣ, обругавъ переводъ, изъ одного уже самолюбія не сталъ бы затѣмъ имъ же и пользоваться, а предложилъ бы свой лучшій—„легкій по языку“ и „вѣрный“. Ругать легко, но самому сдѣлать то же трудно. Вотъ почему, быть можетъ, г. Гротъ и пользуется уже готовыми переводами: гдѣ переводомъ Карпова, гдѣ—Лебедева, гдѣ—Малеванскаго... Что языкъ перевода Карпова нѣсколько устарѣлъ, это разумѣется само собою и говорить объ этомъ не приходится: нельзя же требовать, чтобъ каждый изъ насъ писалъ языкомъ 1925-го года и проч. Въ третьихъ, правда, что по мѣстамъ переводъ Карпова—такой, что съ нимъ нельзя согласиться, хотя было бы рѣзко назвать его невѣрнымъ. Намъ, нынѣ окруженнымъ тысячами различныхъ комментаріевъ къ Платону и нныхъ пособій къ его уразумѣнію, важничать своимъ пониманіемъ платоновскихъ воззрѣній, конечно, не трудно, хотя мы все-таки не сдѣлали ничего подобнаго по значенію тому, что сдѣлалъ проф. Карповъ. Его трудъ по тому времени—колоссальный и выполненъ удовлетворительно. Къ недостаткамъ его (неизбѣжнымъ во всякомъ трудѣ) слѣдуетъ относиться возможно мягче. Со всякомъ случаѣ наряду съ ними слѣдовало бы отмѣтить и достоинства перевода, чего г. Гротъ не дѣлаетъ вовсе. Не можемъ не привести выдержки изъ предисловія г. Малеванскаго къ его переводу „Тимей“: „даже мы, русскіе, можемъ, по крайней мѣрѣ, не краснѣть въ этомъ отношеніи предъ Платономъ, потому что изучали мы его съ давнихъ поръ и даже переводить его начали давно—еще съ конца прошлаго столѣтія, но переводили большею частію отрывочно, по частичкамъ, безъ системы и послѣдовательности. *Выдающееся въ этомъ, да и во всѣхъ друиыхъ отношеніяхъ, исключене представляетъ немногo только не оконченный переводъ платоновскихъ сочиненій проф. Карпова...*“ („Диалоги Платона: Тя-

мэй или о природѣ вещей и Критій“. Перев. Г. Б. Малеванскаго. Кіевъ, 1883 г., стр. 11—12). Неодобрительно отзываясь о переводѣ проф. Карпова, г. Гротъ рекомендуетъ переводы, напр. Лебедева, Златоустовскаго и пр. Почему переводы этихъ лицъ (первому принадлежитъ переводъ „Федона“, второму—„Парменида“) „хороши“, это извѣстно только г. Гроту и развѣ лишь немногимъ другимъ. Переводъ г. Малеванскаго, дѣйствительно, образцовый... Вообще, замѣтимъ мимоходомъ, для посторонняго человѣка кажутся порой непонятными одобрительныя сужденія автора объ однихъ лицахъ и ихъ трудахъ и неодобрительныя—о другихъ. Возьмемъ для примѣра еще сужденіе г. Грота о трудѣ г. Трубецкаго: „Метафизика въ древней Греціи“ (Москва, 1890), какъ „классическомъ“ (стр. 5). Сказано болѣе, чѣмъ много, и слишкомъ „черезъ край“. Достаточно было назвать данный трудъ хорошимъ. Но, такъ рекомендуя г. Трубецкаго, г. Гротъ ни словомъ не упоминаетъ о весьма солидномъ трудѣ, посвященномъ Платону и принадлежащемъ почтенному проф. Линицкому („Ученіе Платона о Божествѣ“. Кіевъ 1876 г. 1—334), умалчиваетъ объ обстоятельномъ трудѣ г. Чистовича, имѣющемъ соприкосновеніе съ Платономъ же и немалое („Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка“. Спб. 1871. 1—211) и друг. Но возвратимся къ рѣчи о переводѣ Платона. Почему г. Гротъ, пользуясь различными переводами, часто умалчиваетъ о томъ? Читатель можетъ подумать, что переводъ принадлежитъ самому г. Гроту. Открываемъ на-удачу стр. 10—11, гдѣ приводится выдержка изъ Тимэя. Беремъ переводъ г. Малеванскаго, сравниваемъ. Оказывается, что г. Гротъ воспользовался имъ. Заимствовавъ у г. Малеванскаго 8 строкъ буквально, далѣе г. Гротъ пытается обнаружить самостоятельность: вмѣсто „потребность изслѣдованія природы“ (=у Малеванскаго) говоря: „потребность изслѣдовать природу“ (что, конечно, хуже), вмѣсто: „мы обладаемъ нѣкою философій“ (=у г. М.) говоря: „мы достигли нѣкотораго рода философій“... При этомъ подобное стремленіе къ самостоятельности ведетъ г. Грота и къ ошибкамъ. Въ той же выдержкѣ изъ Тимэя у г. Малеванскаго читаемъ:... „никогда не будетъ ниспослано“... (точно, именно переводъ греч. глагола, стоящаго въ будущ. вр.: ἕξει... ὀφρηθὲν...); у г. Грота: „никогда не можетъ быть ниспослано“ (неточно и невѣрно, на что, конечно, слѣдовало бы обратить вниманіе упрекающему другихъ въ невѣрности перевода).—Въ той же главѣ данной книжки, послѣ рѣчи о переводахъ Платоновскихъ сочиненій, г. Гротъ говоритъ о „внѣшней формѣ сочиненій Платона“, носящей „діалогическій“ характеръ, о „преимуществахъ и недостаткахъ художественнаго изложенія философскихъ воззрѣній у Платона“ о цѣльности и законченности „каждаго“ (?) „Платонова діалога“, о значеніи Аристотеля,

какъ „главнаго источника въ вопросѣ о подлинности сочиненій Платона“, о воззрѣнiяхъ новѣйшихъ ученыхъ на „вопросъ о подлинности“ платоновскихъ діалоговъ и проч.—

Дальнѣйшая глава рѣшаетъ вопросъ „о времени написанiя и соотношенiи діалоговъ“ (стр. 37—46). Этотъ вопросъ (справедливо) считается авторомъ „болѣе важнымъ“, чѣмъ даже „вопросъ о подлинности“ діалоговъ. Здѣсь разсматриваются пути, какими вопросъ рѣшался различными учеными: Шлейермахеромъ, Германомъ, Мункомъ, Георгомъ Гротомъ, Тейхмюллеромъ, Ибервегомъ и Зибекомъ, послѣ чего дѣлается общій выводъ, не успокоивающій читателя всецѣло. Дальнѣйшая маленькая глѣвка: „дѣленіе философіи Платона и ея составныя части“ (стр. 47—50) не лишена значенiя. Справедливо говоритъ авторъ: Платонову „философію гораздо удобнѣ излагать по діалогамъ..., чѣмъ по какой-либо иной системѣ“. „Философія“ Платонова — „живое цѣлое, высшій организмъ, и анатоміей“ ея, „какъ и анатоміей сложнаго животнаго организма, можно заниматься, только предварительно превративъ ее въ трупъ, при чемъ неизбѣжно исчезаетъ не только красота цѣлаго, но и живая связь его съ жизнью—та теплота, которая проникаетъ отдѣльные члены системы“... Изложеніе ученiя Платона авторъ начинаетъ съ вопроса „объ Эросѣ“ (стр. 51—54), „ибо въ идеѣ Эроса, какъ источника всякой познавательной и нравственной дѣятельности человѣка, заключается главный связующій элементъ его философіи“. Опредѣливъ Эросъ, какъ „стремленіе къ вѣчному, идеальному въ жизни, въ знанiи и творествѣ“, сказавъ, что „это вѣчное, идеальное...—идеи, типы“, авторъ задается вопросомъ: „какъ познать это вѣчное, идеальное“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и дается авторомъ въ дальнѣйшей главѣ трактующей о „методологiи Платона“ (стр. 55—80), послѣ чего въ книгѣ рѣшается „наиболѣе трудный для пониманiя, по глубинѣ своей“, вопросъ о платоновскихъ „идеяхъ“ (стр. 81—124). „По ученiю Платона, истинно сущее — идеи; дѣйствительность (явленiя) есть только подобіе, копія идей... Ему надлежало разрѣшить вопросъ: зачѣмъ и откуда возникъ этотъ міръ? Не изъ однѣхъ идей, п. ч. чѣмъ можно было бы тогда объяснить несовершенство копій? Вторымъ началомъ реальнаго міра является у Платона матерiя“... Вопросъ о „физикѣ Платона“ составляетъ въ разсматриваемой книгѣ предметъ особой главы (стр. 125—140). Заговоривъ въ послѣдней о человѣкѣ, „ученіе о которомъ у Платона находится въ связи съ ученiемъ о мірѣ“, въ частности, коснувшись вопроса о человѣческой душѣ, авторъ затѣмъ, съ точки зрѣнiя Платона, естественно излагаетъ „ученіе о безсмертiи души“ (стр. 141—153), приводитъ и разсматриваетъ извѣстныя платоновскія доказательства, находя ихъ нѣясными смыслъ и значеніе. Относительно же бытiя у Платона „стройной системы психологiи“ авторъ высказывается отрицательно,

соглашаясь съ говорящими, что психологию, какъ настоящую науку, создалъ Аристотель⁴. Далѣе слѣдовалъ естественный переходъ разсужденій автора къ рѣчи объ „этикѣ Платона“ (стр. 154—160). Къ сожалѣнію, данная глава слишкомъ кратка. Жаль тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ говоритъ: *этический элементъ вообще преобладаетъ въ платоновской философской дѣятельности...*, въ его нравственныхъ идеалахъ заключаются конечные итоги и вмѣстѣ съ тѣмъ зерно его философіи. Въ этикѣ Платона подмѣчается авторомъ „ученіе о личной нравственности и — о началахъ общественной нравственности“. „Элементами“, изъ какихъ „сложилось этическое ученіе Платона“, считаются: „ученіе Сократа“ и ученіе самого Платона „объ идеяхъ“. Отсюда „въ этической системѣ Платона замѣтны двойственность и нѣкоторыя противорѣчія“... Несмотря на краткость рѣчи, сущность этическихъ воззрѣній Платона выясняется авторомъ недостаточно. „Съ ученіемъ о добродѣтели тѣсно связано ученіе Платона о государствѣ — основаніи общественной нравственности“ (стр. 161—173). Платоновскія воззрѣнія здѣсь раскрываются авторомъ кратко и ясно. Далѣе подводится итогъ „общему значенію философіи Платона“ (стр. 174—185). Философіи этой авторомъ обѣщается будущее... „Платонъ“, говоритъ авторъ, „поставилъ проблему идеализма ребромъ. Если есть духъ, то онъ долженъ быть вѣченъ... Если есть вѣчный духъ, то единственнымъ его содержаніемъ могутъ быть *идеи* — актуальныя и потенциальныя... Ученіе Платона о вѣчномъ духѣ должно будетъ найти оцѣнку... въ особенности въ русской философіи, которая наиболѣе чужда... предрассудкамъ философіи западно-европейской“... Въ *заключеніи* (стр. 186—189) говорится о вліяніи воззрѣній Платона на дальнѣйшихъ философовъ. Рѣчь ведется голословно и потому неубѣдительно, хотя хотѣла бы сказать слишкомъ много. Интересны слова автора: „едва ли найдется въ новѣйшее время и даже въ послѣднія десятилѣтія хотя одинъ серьезный мыслитель, который бы не находился ¹⁾ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Платона или не принужденъ былъ серьезно считаться съ основными положеніями его философіи“. И долго еще, если не всегда, идеалистическая философія будетъ черпать свои вдохновенія и искать свое оправданіе въ философскихъ ученіяхъ Платона, а противоположное теченіе мысли будетъ считать своею обязанностью расчищать себѣ почву опроверженіемъ платонизма и Платоновыхъ доказательствъ въ пользу главенства идей въ мірѣ, безсмертія духа и существованія единаго Бога“.

Въ изложеніи платоновскаго ученія авторъ стоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ Целлера, чего, впрочемъ, онъ не скрываетъ и самъ.—Можно было бы поспѣвать, что онъ по

¹⁾ „Найдется“ и „находился“—неблагозвучно. Подобные случаи изъбѣгаются и Карповымъ.

мѣстамъ заставляеть слишкомъ долго говорить вмѣсто себя Платона.—Наконецъ, можно было бы пожелать, чтобъ редакция „Посредника“ болѣе озаботилась о видимости своего изданія, о корректурной исправности (опечатки особенно заявляютъ о себѣ въ греческихъ словахъ).

Въ заключеніе своей *краткой* библиографической замѣтки скажемъ—жаль: жаль, что авторъ, по неизмѣнно времени, не переработалъ внимательнѣе своихъ лекцій, жаль, что многое, требовавшее разъясненій, не получило ихъ, нуждавшееся въ обоснованіяхъ осталось безъ нихъ, жаль, что нѣкоторые отдѣлы имѣють только конспективный характеръ и проч. Отъ другаго автора мы, быть можетъ, и не потребовали бы большаго, но отъ г. Грота—солиднаго философа, статьи и сочиненія котораго мы всегда читали съ великимъ уваженіемъ къ талантамъ ихъ автора, мы имѣемъ право требовать чего либо иного, а не такихъ книжекъ... Во всякомъ случаѣ пріятенъ общій тонъ, проходящій по всей книжкѣ, пріятна любовь и расположеніе явтора къ Платону — этому симпатичнѣйшему мыслителю языческой древности.

Книжка недорога (60 к.) и, не смотря на ея недостатки, заслуживаетъ широкаго распространенія.

А. Бронзовъ.

Происхожденіе и исторія Мертваго моря, сочин. Манса Бланкенкорна ¹⁾.

Новое изслѣдованіе нѣмецкаго геолога о Мертвомъ морѣ заслуживаетъ вниманія какъ по специально-геологическому содержанию, такъ и по общимъ результатамъ, отличающимся вообще положительностью въ библейскомъ отношеніи. Какъ геологъ, въ основу рѣшенія вопроса о происхожденіи Мертваго моря и гибели нечестивыхъ городовъ авторъ полагаетъ разсмотрѣніе особенностей земныхъ пластовъ, образующихъ поверхность береговъ Мертваго моря и прилегающихъ къ нему мѣстностей. На основаніи такого изслѣдованія устанавливается положеніе, что Иорданская долина, на протяженіи которой лежитъ Мертвое море, получила свое происхожденіе не вмѣстѣ съ первобытными горами, а въ половинѣ 4-й (въ названномъ изданіи стр. 16) геологической группы (Кэнзойской), предшествующей современной (такъ называемой аллювіальной), и что она затѣмъ подвергалась неоднократнымъ переворотамъ, изъ которыхъ послѣднимъ (стр. 51) былъ тотъ, которымъ разрушены нечестивые города. Происхожденіе Иорданской долины вмѣстѣ съ углубленіемъ, которое занимаетъ Мертвое море, объясняется у автора тѣмъ, что по за-

¹⁾ Entstehung und Geschichte des Todten Meeres. Ein Beitrag zur Geologie Palästinas. Von Dr. Max Blanckenhorn въ Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins. 1896. Band XIX, Heft I.

ключеніи такъ называемой у геологовъ третичной формаци (1-й формаци Кэнозойскаго періода) въ сирійскомъ плоскогорьѣ, вдоль Средиземнаго побережья, образовались расщелины, находившаяся между которыми полоса земли опустилась внизъ, вслѣдствіе чего и явилась измененность, окруженная съ обѣихъ сторонъ горными возвышенностями, представляемая Іорданскою долиною. Основаніемъ для такого объясненія служить то, что въ расположеніи земныхъ пластовъ окружающихъ эту долину мѣстностей ясно замѣчаются такъ называемые *изгибы* и *разрывы*, представленные наглядно на приложенныхъ къ изслѣдованію геологическихъ профиляхъ горъ Палестины. Изгибы земляныхъ пластовъ состоятъ въ томъ, что послѣдніе, приближаясь къ Іорданской долинѣ и въ частности къ Мертвому морю, вмѣсто горизонтальнаго принимаютъ наклонное направленіе, опускаются внизъ, притомъ не по прямымъ, а по изогнутымъ линіямъ, что указываетъ на совершившееся въ этихъ мѣстахъ пониженіе почвы; такіе пункты, въ которыхъ особенно замѣтны изгибы въ земныхъ пластахъ, указываются на западно-іорданской сторонѣ Палестины—въ Іерусалимѣ и Виледемѣ (стр. 20). Разрывы земныхъ пластовъ состоятъ въ томъ, что послѣдніе въ своемъ протяженіи мгновенно прекращаются, смѣняясь другими, и затѣмъ послѣ перерыва возобновляются на-уровнѣ, гораздо низшемъ сравнительно съ прежнимъ ихъ положеніемъ, что указываетъ на происшедшее опусканіе пластовъ внизъ вслѣдствіе образовавшихся въ земной корѣ расщелинъ. Такъ по изображенію, у автора, напластованія земныхъ слоевъ южной Палестины, верхнимъ пластомъ по обѣимъ сторонамъ Мертваго моря является мѣловой; въ углубленіи, занимаемомъ этимъ моремъ, этотъ слой является снова, но на глубинѣ болѣе чѣмъ 400 метровъ, ясно, что при образованіи Мертваго моря этотъ земной пластъ опустился внизъ. Относя подобно другимъ изслѣдователямъ (Робинсону, Летронъ и др.) образованіе Мертваго моря ко времени Кэнозойской эпохи и слѣдовательно—до-исторической (по геологической терминологіи), авторъ представляетъ это море въ древнее время имѣвшимъ значительно меньшее протяженіе, сравнительно съ настоящимъ; по его словамъ „въ аллювіальный, т. е. современный геологическій періодъ, когда существовалъ Содомъ, Мертвое море занимало только сѣверную часть теперешняго своего бассейна, между тѣмъ какъ на мѣстѣ южнаго, менѣе глубокаго залива (отъ 1 до 6 метровъ глубины), начинающагося отъ полуострова Лисана, находилась въ то время плодородная береговая полоса, конецъ библейской долины Сиддимъ“ (стр. 53). На этой полосѣ земли и находились, по мнѣнію автора, печетивые города. „Въ началѣ аллювіальнаго или послѣ-ледниковаго періода совершился здѣсь переворотъ, состоявшій въ осѣданіи дилювіальнаго пласта, соединенномъ съ землетрясеніемъ“ (стр. 51). „Это было внезапное движеніе

внизъ слоевъ земной коры, образующихъ долину на югъ отъ Мертваго моря, соединенное съ землетрясеніемъ опуска- ніе ихъ внизъ вдоль одной или нѣсколькихъ разсѣлинъ, вслѣд- ствіе чего города были разрушены и „ниспровергнуты“ (по библейскому выраженію), а затѣмъ Соленое (т. е. Мертвое) море покрыло своими водами ихъ прежнее мѣсто“ (стр. 52). Выказывая такое представленіе о гибели Содома и другихъ городовъ, авторъ замѣчаетъ, что вопреки мнѣнію тѣхъ, ко- торые перетолковывали библейское событіе или считали не- возможнымъ, „описаніе его въ книгѣ Бытія вполне согласимо со взглядами, которые открываетъ точное знаніе мѣстности“ (стр. 52. 56).—При оцѣнкѣ предлагаемаго авторомъ объясне- нія библейскаго событія нужно имѣть въ виду то, что сравни- тельно съ даннымъ въ Запискахъ на кн. Бытія (кн. Бытія 19, 24), оно представляется болѣе обоснованнымъ на данныхъ, извлекаемыхъ изъ разсмотрѣнія земныхъ пластовъ въ окрест- ностяхъ Мертваго моря; нужно однако замѣтить, что воспла- мененіе нефти и асфальта, на что указывается въ Запис. на кн. Бытія, нѣмецкій авторъ также допускаетъ, но какъ об- стоятельство дальнѣйшее и второстепенное (стр. 58). Сравни- тельно съ другими геологическими объясненіями гибели не- честивыхъ городовъ предлагаемое авторомъ отличается тѣмъ, что временемъ этого событія признается аллювіальный пе- ріодъ, совпадающій съ историческимъ или современнымъ періодомъ; такимъ образомъ и съ геологической точки зрѣ- нія ниспроверженіе нечестивыхъ городовъ полагается у автора во время болѣе или менѣе близкое къ тому, какое указы- вается въ библейскомъ повѣствованіи. Что касается мнѣнія о мѣстѣ нечестивыхъ городовъ въ южной части теперешняго Мертваго моря, то это мнѣніе принимается въ настоящее время многими западными библеистами и имѣетъ для себя нѣкоторыя основанія, хотя и не безспорныя, вслѣдствіе чего оно не есть общепринятое и несомнѣнное.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки